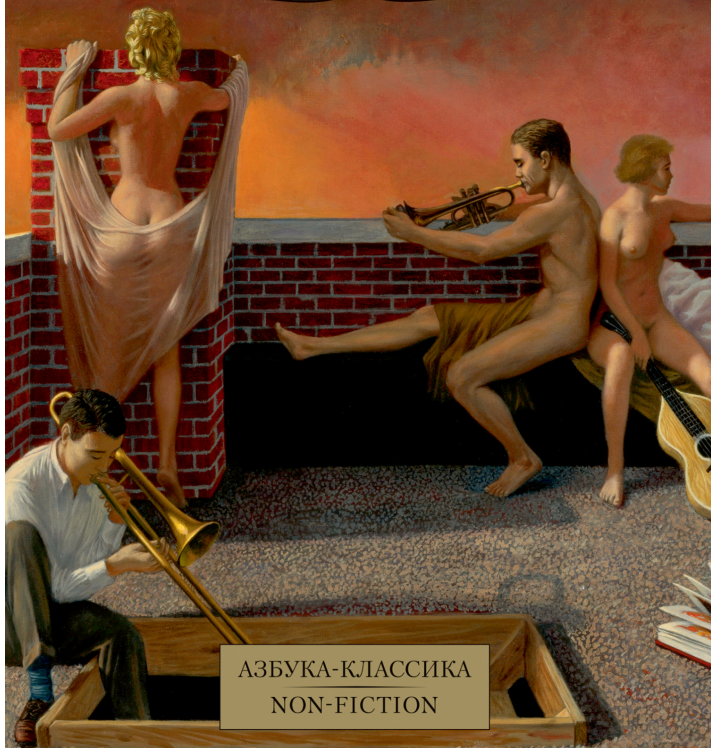

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

«Я» и «Оно»

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Зигмунд Фрейд

«Я» и «Оно»

Серия «Азбука-Классика. Non-Fiction»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68282624

*«Я» и «Оно»: сборник / Зигмунд Фрейд; пер. с нем.: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-389-21942-7*

Аннотация

Зигмунд Фрейд – австрийский психолог, психиатр и невропатолог, основоположник психоанализа, автор многочисленных трудов: «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «Остроумие и его отношение к бессознательному», «Тотем и табу» и т. д. Представления Фрейда о бессознательном, о сублимации, о динамической психической структуре личности и мотивах человеческого поведения, значении детского эмоционального опыта в душевной жизни взрослого, постоянном психическом влечении к эросу и смерти нашли широкое распространение в современной культуре. В настоящем издании представлены работы, считающиеся теоретической кульминацией творчества Фрейда. В них сформулированы и обоснованы предпосылки мысли Фрейда, а также обозначены сами источники возникновения существенных положений психоанализа.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

По ту сторону принципа наслаждения	6
I	6
II	14
III	23
IV	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Зигмунд Фрейд

«Я» и «Оно»

Текст печатается по изданию: *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения. «Я» и «Оно». Неудовлетворенность культурой. СПб.: Алетейя, 1998

Перевод с немецкого

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015 Издательство АЗБУКА®

По ту сторону принципа наслаждения **Jenseits des Lustprinzips**

I

В психоаналитической теории мы без сомнений принимаем положение, что ход психических процессов автоматически регулируется принципом наслаждения, т. е. мы считаем, что этот процесс каждый раз возбуждается связанным с неудовольствием напряжением и затем принимает такое направление, что его конечный результат совпадает с уменьшением этого напряжения – с избеганием неудовольствия или с порождением удовольствия. Рассматривая изучаемые нами психические процессы с учетом этого хода развития, мы вводим в нашу работу «экономическую» точку зрения. Мы думаем, что постановку вопроса, которая, наряду с топическим (пространственным) и динамическим моментом, пытается учесть и этот экономический момент, – можно считать наиболее совершенной из всех возможных в настоящее время. Ее по заслугам следует назвать *метапсихологической*.

Нас при этом не интересует, насколько мы при выдвижении принципа наслаждения приблизились или присоеди-

лись к определенной, исторически установленной философской системе. Мы приходим к таким спекулятивным предположениям, пытаюсь описать факты ежедневного наблюдения в нашей области и дать себе в них отчет. Приоритет и оригинальность не являются целями психоаналитической работы, а впечатления, на которых основано установление этого принципа, так очевидны, что едва ли возможно их не заметить. Мы преисполнились бы признательности к философской или психологической теории, которая сумела бы объяснить нам значение столь императивных для нас ощущений удовольствия и неудовольствия. К сожалению, ничего приемлемого нам не предлагают. Эта область является наиболее темной и недоступной областью психической жизни, и если уж мы никак не можем уклониться от ее рассмотрения, то самые широко взятые гипотезы будут, как я думаю, самыми лучшими. Мы решили соотнести удовольствие и неудовольствие (и количество возбуждения, имеющегося в нашей психической жизни и ничем не связанного), и притом так, чтобы неудовольствие соответствовало повышению этого количества, а удовольствие – понижению. При этом мы думаем о простом отношении между силой ощущений и изменениями, которые с ними связаны; менее всего – после всего опыта психофизиологии – о прямой пропорциональности; вероятно, решающим для ощущения моментом является мера его уменьшения или увеличения во времени. Возможно, что здесь уместен был бы эксперимент; для нас, аналитиков, не

рекомендуется вникать в эти проблемы, пока мы не можем руководствоваться совершенно определенными наблюдениями.

Нас, однако, не может не затронуть то, что такой глубокий исследователь, как Г. Т. Фехнер, представлял теорию удовольствия и неудовольствия, в основном совпадающую с той теорией, на которую нас наталкивает психоаналитическая работа. Мысли Фехнера изложены в небольшой статье «Einige Ideen zur Schöpfungs- und Entwicklungsgeschichte der Organismen», 1873. (Abschnitt XI. Zusatz. S. 94). Он говорит следующее: поскольку сознательные побуждения всегда имеют отношение к удовольствию или неудовольствию, постольку и удовольствие и неудовольствие можно представить себе как имеющие психофизическое отношение к условиям стабильности; на этом можно основать гипотезу, которую я подробно намерен изложить в другом месте, а именно: что такое психофизическое движение, превышающее порог сознания, наделено известной мерой удовольствия, когда оно сверх известной границы приближается к полной стабильности, и известной мерой неудовольствия, когда оно сверх известной границы отклоняется от нее; в то же время между обеими границами, которые можно назвать качественным порогом удовольствия и неудовольствия, имеется известное пространство эстетической индифферентности.

Факты, которые дали нам повод поверить в господство принципа наслаждения в психической жизни, находят вы-

ражение и в гипотезе, что психический аппарат стремится сохранить содержащееся в нем количество возбуждения на возможно низком уровне или, по крайней мере, в постоянном состоянии. Это та же, лишь иначе сформулированная, гипотеза, так как если работа психического аппарата направлена на количественное понижение возбуждения, то все, что его повышает, будет ощущаться как противное функции, т. е. как неудовольствие. Принцип наслаждения выводится из принципа постоянства; действительно, принцип постоянства открылся из фактов, которые натолкнули нас на установление принципа наслаждения. При более подробной дискуссии мы увидим, что это стремление, которое мы приписали психическому аппарату, как особый случай, подчиняется фехнеровскому принципу *тенденции к стабильности*, который он поставил в соотношение с ощущениями удовольствия и неудовольствия.

Но тогда нам придется сказать, что, собственно говоря, неправильно говорить о господстве принципа наслаждения в ходе психического процесса. Если бы таковое господство существовало, то большинство наших психических переживаний сопровождалось бы наслаждением или приводило бы к наслаждению, а ведь даже самый общий опыт противоречит такому заключению. Итак, может происходить лишь следующее: в душе имеется сильная тенденция к принципу наслаждения, но ей противодействуют известные другие силы и условия, так что конечный исход не всегда может соответ-

ствовать тенденции к наслаждению. Сравни замечание Фехнера в похожем случае: «Но поскольку тенденция к цели еще не означает достижения цели и цель вообще может достигаться только приблизительно...» Если мы теперь займемся вопросом, какие условия могут препятствовать осуществлению принципа наслаждения, то мы снова вступаем на твердую и знакомую почву и можем широко использовать для ответа наш аналитический опыт.

Первый случай такой заторможенности принципа наслаждения знаком нам как закономерный. Мы знаем, что принцип наслаждения присущ первичному способу работы психического аппарата и что ввиду трудностей, которые имеются во внешнем мире, этот принцип с самого начала является для самоутверждения организма не только непригодным, но и чрезвычайно опасным. Под влиянием инстинкта самосохранения «Я» этот принцип сменяется *принципом реальности*, который, не отказываясь от конечного получения наслаждения, все же требует и приводит отсрочку удовлетворения, отказ от многих возможностей последнего, а также временное перенесение неудовольствия на долгом окольном пути к удовольствию. Принцип наслаждения затем еще долгое время остается методом работы сексуальных первичных позывов, которые труднее «воспитуемы», и мы повторно встречаемся с фактом, что, может быть, под влиянием последних, а может быть, и в самом «Я» принцип наслаждения побеждает принцип реальности, принося вред всему организму.

Между тем совершенно несомненно, что смена принципа наслаждения принципом реальности является причиной лишь незначительной части чувства неудовольствия, и притом не самой интенсивной его части. Человеческое «Я» проходит свое развитие к более высокой организации, и в ходе этого развития появляется другой, не менее закономерный источник излучений неудовольствия, который возникает из конфликтов и расколов в психическом аппарате. Почти вся энергия, наполняющая этот аппарат, исходит из наличествующих в нем инстинктивных стремлений, но не все они допускаются в те же самые фазы развития. В этом процессе развития все снова и снова повторяется факт, что отдельные первичные позывы или части их в своих целях и требованиях оказываются несовместимыми с остальными первичными позывами, которые могут объединиться в целостное «Я». В таком случае они откалываются от этого единства процессом вытеснения, задерживаются на более низких ступенях психического развития и сначала отрезаются от возможности удовлетворения. Если же – как это легко может случиться с вытесненными сексуальными первичными позывами – им позже окольными путями удастся пробиться к прямому или суррогатному удовлетворению, то этот успех, который при иных обстоятельствах мог бы быть возможностью удовольствия, ощущается «Я» как неудовольствие. Как следствие старого конфликта, который кончился вытеснением, принцип наслаждения получил новый прорыв именно

тогда, когда известные первичные позывы, в соответствии с принципом, работали над созданием нового удовольствия. Подробности процесса, при котором вытеснение заменяет возможность удовольствия источником неудовольствия, еще не вполне понятны или не могут быть ясно описаны, но можно с уверенностью сказать, что все виды невротического неудовольствия имеют этот характер – удовольствие не может ощущаться как таковое¹.

Оба указанных здесь источника неудовольствия далеко еще не покрывают большинства наших переживаний неудовольствия, но об остатке их, по-видимому, можно с некоторым правом утверждать, что наличие этого остатка не противоречит господству принципа наслаждения. Наибольшая часть неудовольствия, которое мы ощущаем, является ведь неудовольствием от восприятия: или это восприятие давления неудовлетворенных первичных позывов, или это внешнее восприятие, иногда мучительное само по себе либо возбуждающее в психическом аппарате неприятные ожидания и опознающееся им как опасность. Реакция на эти требования первичных позывов и на угрозу опасности, в которой и выражается специфическая деятельность психического аппарата, может затем должным образом быть направляема принципом наслаждения или модифицирующим его принципом реальности. Таким образом, отпадает необходимость при-

¹ Существенно здесь, вероятно, то, что удовольствие и неудовольствие связаны с «Я» как сознательные ощущения.

знать более широкое ограничение принципа наслаждения; но именно исследование психической реакции на внешнюю опасность может дать новый материал и вызвать новые вопросы в изучаемой здесь проблеме.

II

С давних пор было известно и отмечалось состояние, которое возникает после тяжелых механических сотрясений, железнодорожных катастроф и прочих несчастных случаев, связанных с опасностью для жизни. Это состояние называется «травматическим неврозом». Ужасная война, которая только что закончилась, вызвала большое количество таких заболеваний и, по крайней мере, положила конец искушению относить эти случаи к органическому повреждению нервной системы, вызванному механической силой². Общее состояние при травматическом неврозе близко к истерии богатством похожих моторных симптомов, но, как правило, превосходит ее ярко выраженными признаками субъективного страдания (примерно как при ипохондрии или меланхолии), а также доказательствами гораздо более широкого общего ослабления и потрясения психических действий. Однако до сих пор не достигнуто полное понимание как неврозов войны, так и травматических неврозов мирного времени. При неврозах войны понимание, с одной стороны, пополнялось, а с другой – затемнялось тем обстоятельством, что иногда та же самая картина болезни появлялась без вмешательства грубой механической силы; в простом травматическом пси-

² Ср.: Zur Psychoanalyse der Krigsneurosen с докладами Ференци, Абрахама, Зиммеля и Э. Джонса (Internationale Psychoanalytische Bibliothek. Bd. I, 1919).

хозе выделяются две черты, с которых можно было начать размышления. Во-первых, основной причиной, вызывавшей заболевание, оказывался, по-видимому, момент неожиданности и страха, а во-вторых, одновременно полученное повреждение или ранение в большинстве случаев противодействовало возникновению невроза.

Слова «испуг», «страх», «боязнь» без всякого права употребляются как синонимы. Их можно точно разграничить по их отношению к опасности. Боязнь означает известное состояние ожидания опасности и подготовки к ней, даже если опасность неизвестна; страх требует определенного объекта, которого страшишься; испугом называется состояние, в которое впадаешь, очутившись в опасности, к которой не подготовлен; это понятие (испуг) подчеркивает момент неожиданности. Я не думаю, что боязнь может вызвать травматический невроз; в боязни есть что-то, что предохраняет от испуга, а значит, и от невроза испуга. К этому положению мы позже вернемся.

Изучение сновидений может считаться самым надежным путем для исследования глубинных психических процессов. Сновидения при травматическом неврозе имеют ту характерную черту, что они возвращают больного к ситуации, при которой произошел несчастный случай, и он просыпается с новым испугом. Этой особенности слишком мало удивляются. Принято думать, что факт постоянного появления травматического переживания в сновидениях как раз и является

доказательством силы впечатления, которое оно произвело. Больной, так сказать, психически фиксирован на травму. Такие фиксации на переживание, вызвавшее заболевание, нам уже давно знакомы в истерии. Брейер и Фрейд пришли к выводу в 1893 году, что истерики страдают главным образом от воспоминаний. Такие наблюдатели, как Ференци и Зиммель, многие моторные симптомы в неврозах войны также объясняли фиксацией на момент травмы.

Мне, однако, не известно, чтобы больные травматическим неврозом в бодрствующем состоянии много занимались воспоминаниями о своем несчастном случае. Они, скорее, стараются о нем не думать. Принимая само собой разумеющимся, что ночной сон возвращает больных в ситуацию, вызвавшую заболевание, природа снов понимается неправильно. Этой природе снов больше соответствовал бы показ больному картин его здорового прошлого и желанного выздоровления. Если мы не хотим, чтобы сны невротиков, заболевших от травмы, отняли у нас веру в то, что сны имеют тенденцию исполнять несбывшиеся желания, то нам остается, по крайней мере, признать, что при этой болезни функции сна, как и многое другое, находятся в состоянии потрясения и отклоняются от своих тенденций, или нам пришлось бы припомнить мазохистские тенденции «Я».

Теперь я предлагаю оставить темную и мрачную тему травматического невроза и изучить способ работы психического аппарата на основании его самой ранней нормальной

деятельности. Я имею в виду детские игры.

Различные теории о детской игре совсем недавно составлены и аналитически рассмотрены З. Пфейфером в «Imago» (V/4). На этот труд я здесь и сошлюсь. Эти теории стараются разгадать мотивы игры, не выдвигая на первый план экономическую точку зрения, т. е. учет полученного удовольствия. Не намереваясь охватить эти явления в целом, я воспользовался представившейся мне возможностью объяснить первую игру мальчика полутора лет, изобретенную им самим. Это было больше, чем поверхностное наблюдение, так как я прожил с ребенком и его родителями несколько недель под одной крышей, и прошло довольно продолжительное время, пока я догадался о смысле его загадочных и постоянно повторявшихся действий.

Ребенок отнюдь не был преждевременно развит; в полтора года он говорил лишь немного понятных слов, а кроме того, испускал несколько имевших для него смысл звуков, которые понимались окружающими. Но он был в добром контакте с родителями и единственной прислугой, и его хвалили как «хорошего мальчика». Он не беспокоил родителей в ночное время, добросовестно исполнял приказания не трогать известных вещей и не ходить в известные помещения и, прежде всего, никогда не плакал, когда мать уходила на несколько часов, хотя нежно был к ней привязан. Мать не только выкормила его грудью, но и вообще ухаживала за ним без посторонней помощи. У этого хорошего, по-

слушного мальчика была все же одна неприятная привычка, а именно: забрасывать в угол комнаты, под кровать и т. д. все маленькие вещи, которые ему удалось схватить; и собирание его игрушек было делом нелегким. При этом он с выражением интереса и удовольствия произносил протяжное «о-о-о», которое, по общему мнению родителей и наблюдателей, было не междометием, а означало «вон, прочь». Я в конце концов заметил, что это – игра и что ребенок пользуется всеми своими игрушками только для того, чтобы играть в «ушли». Однажды я сделал одно наблюдение, которое подтвердило мои догадки. У ребенка была деревянная катушка, к которой была привязана веревочка. Ему никогда не приходило в голову возить ее по полу позади себя, т. е. играть с ней в тележку, но, держа катушку за веревку, он с большим искусством перебрасывал ее за край своей кровати, так что она там исчезала, говорил при этом свое многозначительное «о-о-о» и затем за веревочку снова вытаскивал ее из-под кровати, но теперь ее появление приветствовал радостным «вот». В этом и заключалась вся игра – исчезновение и появление снова. Виден был обычно только первый акт, и этот акт сам по себе неумолимо повторялся как игра, хотя больше удовольствия, несомненно, доставлял второй акт³.

³ Дальнейшее наблюдение полностью подтвердило это мое толкование. Однажды, когда мать ушла из дома на много часов, мальчик встретил ее по возвращении следующим сообщением: «Беби о... о... о». Сначала это было непонятно, но потом оказалось, что во время своего долгого одиночества ребенок нашел способ, как исчезнуть самому. Он обнаружил свое изображение в зеркале, которое

Теперь легко было объяснить смысл игры. Она была связана с большим культурным достижением ребенка: с подавлением инстинкта (отказом от удовлетворения инстинкта), т. е. с тем, что он не сопротивлялся, когда мать уходила. Но он как бы вознаграждал себя за это тем, что сам инсценировал то же самое исчезновение и возвращение с доступными ему предметами. Для аффективной оценки этой игры, конечно, безразлично, изобрел ли ее сам ребенок или усвоил ее благодаря какому-нибудь стимулирующему моменту. Наш интерес привлекает другой пункт. Уход матери едва ли был ребенку приятен или хотя бы безразличен. Как же согласуется с принципом наслаждения то обстоятельство, что ребенок повторяет это мучительное для него переживание как игру? Может быть, захочется ответить, что уход должен быть сыгран как предварительное условие для радостного возвращения, что в этом последнем и заключается собственный замысел игры. Но этому противоречило бы наблюдение, что первый акт – исчезновение – инсценировался как игра сама по себе, и притом несравненно чаще, чем вся игра, доведенная до приятного конца.

Анализ такого единичного случая не дает достоверного решения; при непредвзятом взгляде получается впечатление, что ребенок превратил свое переживание в игру по совсем другим мотивам. В этом переживании ребенку доставля-

доходило почти до пола, а затем опустился на корточки, так что изображение «ушло».

лась пассивная роль, он должен был что-то пережить; затем он ставит себя в активное положение и повторяет то же переживание как игру, несмотря на то, что оно неприятно. Это стремление можно было бы объяснить как инстинкт власти, который не зависит от того, было ли воспоминание само по себе приятно или нет. Но можно предположить и другое толкование: бросание предмета так, что он исчезал, могло бы быть удовлетворением подавленного в жизни чувства мести, обращенного на мать за то, что она уходила от ребенка, оно могло бы иметь упрямое значение: «Да, уходи, уходи! Ты мне не нужна – я сам тебя отсылаю». Этот же ребенок, которого я наблюдал за его первой игрой, когда ему было полтора года, через год бросал на пол игрушку, на которую сердился, и говорил: «Уходи на войну». До этого ему рассказали, что отец ушел на войну, и он несколько не сожалел об его отсутствии, а, наоборот, чрезвычайно ясно показывал, что он и впредь хочет оставаться наедине с матерью⁴. Мы знаем и о других детях, которые подобные враждебные чувства к людям выражали бросанием предметов⁵. Если наблюдается порыв, имеющий целью психически переработать какое-либо сильное впечатление, вполне овладеть им, то мы сомневаемся, может ли такой порыв выражаться первично и независи-

⁴ Когда ребенку было пять лет и три четверти, мать его умерла. Теперь, когда мать действительно «ушла» (о-о-о), мальчик о ней не горевал. За это время родился, правда, второй ребенок, возбуждивший сильнейшую ревность мальчика.

⁵ Ср.: Eine Kindheitserinnerung aus «Dichtung und Wahrheit» // Imago. Bd. V, 1917 (Ges. Werke. Bd. XII).

мо от принципа наслаждения. В случае, который мы здесь обсуждаем, ребенок, может быть, повторял неприятное впечатление игрой в него только потому, что с этим повторением было связано прямое наслаждение иного рода.

Дальнейшее наблюдение за детской игрой также не устраняет колебаний, какое же из двух пониманий следует выбрать. Мы видим, что дети повторяют в игре все, что в жизни произвело на них большое впечатление, причем они взвешивают силу впечатления и делают себя, так сказать, господами положения. С другой стороны, совершенно ясно, что вся игра находится под влиянием доминирующего в это время желания, а именно: быть большим и делать то, что делают большие. Можно также сделать наблюдение, что неприятный характер переживания не всегда делает его непригодным для игры. Если доктор осматривал горло или сделал ребенку маленькую операцию, то это ужасающее переживание непременно будет содержанием следующей игры, но нельзя не отметить, что наслаждение будет получено из другого источника. Переходя из пассивности переживания в активность игры, ребенок причиняет своему товарищу по игре то неприятное, что случилось с ним самим; и мстит за себя на этом заменяющем его лице.

Все эти пояснения приводят нас к выводу, что принять особый инстинкт подражания как мотив игры было бы излишним. Прибавим еще, как особое напоминание, что художественная игра и художественное подражание взрослых,

которое, в отличие от поведения ребенка, предназначено для зрителя, не щадит его в отношении самых болезненных для него переживаний, как, например, в трагедии, и тем не менее может ощущаться им как высокое наслаждение. Мы, таким образом, приходим к выводу, что и при господстве принципа наслаждения имеется достаточно путей и средств, чтобы переживание, само по себе неприятное, стало предметом воспоминаний и психической переработки. Рассмотрение этих случаев и ситуаций, в конечном итоге кончающихся получением наслаждения, должно быть темой экономически направленной эстетики; для наших целей они бесполезны, так как имеют предпосылкой существование и господство принципа наслаждения; они не доказывают существования тенденций по ту сторону принципа наслаждения, т. е. тенденций более первичных, чем принцип наслаждения, и от него независимых.

III

Двадцать пять лет интенсивной работы существенно изменили ближайшие цели психоаналитической техники; они сейчас совсем иные, чем были вначале. Вначале врач мог стремиться только к тому, чтобы угадать скрытое для больного бессознательное, обозначить его и в подходящий момент сообщить больному. Психоанализ был прежде всего искусством толкования. Так как терапевтическая задача этим не разрешалась, то сейчас же возникал второй момент лечения: вызвать в больном собственные воспоминания, подтверждающие конструкцию врача. При этом основное значение имело сопротивление больного; искусство теперь заключалось в том, чтобы возможно скорее вскрыть это сопротивление, показать его больному, а затем чисто человеческим влиянием (это момент, когда внушение действует как «перенесение») убедить его отказаться от сопротивления.

Но при этом становилось все яснее, что и этим путем не вполне достигалась намеченная цель, а именно осознание бессознательного. Больной не может вспомнить всего вытесненного (может быть, как раз самого существенного) и вследствие этого не убеждается в правильности сообщенной ему конструкции. Он вынужден повторять вытесненное как переживание настоящего времени, вместо того, чтобы (как хотелось врачу) *вспоминать* о нем как о части своего

прошлого⁶. Это с нежелательной точностью повторяющееся воспроизведение всегда имеет содержанием часть инфантильной сексуальной жизни, т. е. эдипова комплекса и его ответвлений; оно регулярно происходит в области перенесения, т. е. в области отношения к врачу. Если в лечении уже достигнуты такие результаты, то можно сказать, что теперь прежний невроз заменен новым неврозом перенесения. Врач старается как можно больше ограничить область этого невроза перенесения, отодвинуть как можно больше в область воспоминаний и допустить как можно меньше повторений. Для каждого отдельного случая устанавливается различное соотношение между воспоминанием и репродукцией. Как правило, врач не может уберечь больного от этой фазы лечения; он должен заставить больного заново пережить известную часть своей забытой жизни и должен заботиться о том, чтобы оставалась известная мера ясности, благодаря которой кажущаяся реальность все же всегда признавалась отображением забытого прошлого. Если это удастся, то завоевана убежденность больного в этом и зависящий от этой убежденности терапевтический успех.

Чтобы яснее понять это *вынуждение повторения*, которое проявляется при психоаналитическом лечении невротиков, нужно прежде всего освободиться от заблуждения, что при борьбе с сопротивлением мы имеем дело с сопро-

⁶ См.: Weitere Ratschläge zur Technik der Psychoanalyse. II. Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten (Ges. Werke. Bd. X).

тивлением «бессознательного». Бессознательное, т. е. «вытесненное», вообще не оказывает лечению никакого сопротивления; оно ведь само стремится к тому, чтобы пробиться к сознанию сквозь обременяющее его давление или же разрядиться путем реального действия. Сопротивление лечению исходит от тех же более высоких слоев и систем психической жизни, которые в свое время произвели вытеснение. Но так как мотивы сопротивления и даже само сопротивление, как мы знаем, сначала при лечении не сознаются, то мы вынуждены прибегнуть к более целесообразному способу выражения. Мы избежим неясности, если сопоставим не сознательное и бессознательное, а целостное «Я» и *вытесненное*. Нет сомнения, что в самом «Я» многое бессознательно, и бессознательно именно то, что можно назвать «ядром Я», только незначительная его часть покрывается названием «предсознательное». После этой замены просто описательного способа выражения систематическим или динамическим мы можем сказать, что сопротивление лиц, подвергающихся анализу, исходит из их «Я», тогда мы тотчас поймем, что вынуждение повторения следует приписать бессознательному вытесненному. Вероятно, это вынуждение повторения не могло выявлять себя до тех пор, пока идущая ему навстречу работа лечения не ослабила вытеснение⁷. Нет никакого сомнения, что сопротивление со-

⁷ В другом месте я поясню, что именно «внушающее влияние» лечения приходит тут на помощь вынуждению повторения, иными словами, глубоко кореня-

знательного и предсознательного «Я» состоит, так сказать, в подчинении принципа наслаждения: ведь это сопротивление стремится избавиться от неудовольствия, которое возникло бы вследствие освобождения вытесненного; наши усилия направлены на то, чтобы, привлекая одновременно и принцип реальности, дать доступ такому неудовольствию. Но в каком соотношении вынуждение повторения – выявление силы вытесненного – находится к принципу наслаждения? Совершенно ясно, что большая часть того, что вынуждение повторения заставляет переживать заново, должно причинять «Я» неудовольствие, так как оно вызывает на поверхность работу вытесненных побуждений первичных позывов. Это, однако, является неудовольствием, которому мы уже дали оценку: оно не противоречит принципу наслаждения. Неудовольствие одной системы является одновременно удовлетворением другой. Но теперь мы подходим к новому и замечательному факту, который нам следует описать, а именно: вынуждение повторения вызывает из прошлого и такие переживания, которые не содержат возможности наслаждения и которые и тогда не могли быть удовлетворением даже с тех пор вытесненных побуждений первичных позывов.

Ранний расцвет инфантильной сексуальной жизни был обречен на гибель из-за несовместимости желаний ребенка с реальностью и недостаточности степени его развития. Он погиб по крайне неприятным причинам, сопровождае-

мый глубоко мучительными переживаниями. Потеря любви и неудача длительно нарушили чувство собственного достоинства, нанеся нарциссический шрам, который, согласно моему собственному опыту, а также высказываниям Марциновского⁸, сильнейшим образом способствовал развитию чувства неполноценности, которое часто наблюдается у невротиков. Сексуальная пытливость ребенка, которому его физическое развитие ставит пределы, не приходила к удовлетворяющему завершению; отсюда дальнейшая жалоба: «Я ничего не умею довести до конца, мне ничего не удастся». Нежная связь, обычно с родителем другого пола, иссякла от разочарования, от напрасного ожидания удовлетворения или от ревности при рождении нового ребенка, которое ясно указывало на измену любимого или любимой; собственная, с трагической серьезностью предпринятая попытка самому произвести такого ребенка не удалась постыдным образом; убыль нежности, раньше проявлявшейся по отношению к малышу, повышенные требования в воспитании, серьезные слова, а иной раз и наказание, вскрыли наконец полностью то *пренебрежение*, которому он подвергается. Существует несколько определенных типичных явлений, на которые мы регулярно наталкиваемся, – таких, какими бывает положен конец характерной любви этого детского возраста.

Невротики в перенесении повторяют и с большим искус-

⁸ Marcinowski. Die erotischen Quellen der Minderwertigkeitsgefuhle // Zeitschrift fur Sexualwissenschaft. IV, 1918.

ством заново воскрешают все эти тягостные ситуации и мучительные переживания. Они стремятся оборвать еще не законченное лечение: они чувствуют, что ими опять пренебрегают; они вызывают врача на жесткие слова и холодное с ними обращение; они находят подходящий объект для своей ревности; страстно желанное ими в младенчестве дитя они заменяют намерением или обещанием большого «подарка», который в большинстве случаев бывает так же нереален, как и то дитя. Все это в прошлом не могло вызывать удовольствия; казалось, оно вызвало бы теперь меньше неудовольствия, если появилось бы в виде воспоминания или сновидения, а не приняло бы форму нового переживания. Суть здесь, конечно, в действии первичных позывов, которые должны были привести к удовлетворению. Однако имевшийся уже опыт, что эта деятельность и тогда вызывала только неудовольствие, ни к чему не привел. Он, вопреки этому, повторяется; какая-то вынужденность толкает на это.

То, что психоанализ вскрывает в феноменах перенесения невротиков, можно найти в жизни и неневротиков. У них это производит такое впечатление, будто их преследует судьба, будто в их жизни есть какая-то демоническая черта; психоанализ с самого начала считал, что такая судьба большей частью создается ими самими и предопределяется влиянием раннего детства. Вынужденность, которая при этом проявляется, не отличается от вынуждения повторения невротиков, хотя эти лица никогда не проявляли признаков нев-

ротического конфликта, который обнаруживался бы образованием симптомов. Так, например, известны лица, у которых любые человеческие отношения кончаются одним и тем же: благодетель, которого каждый из питомцев через некоторое время покидает в озлоблении, как бы различны эти питомцы ни были, как будто приговорен к тому, чтобы изведать всю горечь неблагодарности; есть мужчины, у которых каждая дружба кончается тем, что друг их предает; есть другие, которые в своей жизни бесчисленное количество раз избирают другое лицо в качестве большого личного или даже общественного авторитета, а затем, через определенное время, низвергают этот авторитет со своего пьедестала и заменяют новым; есть влюбленные, у которых нежное отношение к женщине проходит те же самые фазы и приводит к такому же концу, и т. д. Мы совсем не склонны удивляться этому вечному повторению того же самого, если дело идет об активном поведении данного лица и если мы найдем в его характере ту постоянную черту, которая должна выявляться в повторении одних и тех же переживаний. Гораздо сильнее действуют на нас те случаи, когда данное лицо кажется переживающим пассивно, без влияния со своей стороны, переживая в то же время всегда повторение той же судьбы. Припомним, например, историю женщины, которая выходила замуж три раза подряд, причем каждый из ее мужей через короткое время заболел и она за каждым ухаживала

вплоть до самой его смерти⁹. Самое трогательное поэтическое изображение такой судьбы дал Тассо в романтическом эпосе «Освобожденный Иерусалим». Герой Танкред, сам о том не ведая, убил свою возлюбленную Клоринду, когда она сражалась с ним в латах вражеского рыцаря. После ее похорон он проникает в зловещий заколдованный лес, повергающий войско крестоносцев в ужас. Там он рассекает мечом высокое дерево, но из древесной раны струится кровь, и голос Клоринды, душа которой была заключена в дерево, обвиняет его, что он снова ранил возлюбленную.

Учитывая такие факты в поведении людей во время перенесения и в судьбе отдельных лиц, мы отваживаемся на предположение, что в психической жизни людей действительно существует вынуждение повторения, которое выходит за пределы принципа наслаждения. Теперь мы склонны будем отнести к этому вынуждению сны травматического невротика и видеть в нем стимул к игре ребенка. Правда, мы должны признать, что только в редких случаях мы видим действие вынуждения повторения в чистом виде, не поддержанное другими мотивами. Мы уже подчеркнули, какие иные толкования допускает возникновение детской игры. Кажется, что в ней тесно соединились вынуждение повторения и прямое, дающее наслаждение удовлетворение первичных позывов. Феномены перенесения явно служат сопротив-

⁹ Ср.: меткие замечания в статье К. Г. Юнга: Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // Jahrbuch für Psychoanalyse. Bd. I, 1909.

лению со стороны «Я», настаивающего на вытеснении. Вынуждение повторения, которое должно послужить делу лечения, перетягивается «Я» на свою сторону («Я» хочет удержать принцип наслаждения). В том, что хотелось бы назвать судьбой, многое, как нам кажется, можно объяснить рационально, и введение нового таинственного мотива не требуется. Наименее сомнителен, может быть, случай травматических сновидений. Но при ближайшем рассмотрении следует признать, что и в других случаях сущность дела не исчерпывалась действием известных мотивов. Остается еще достаточно материала, оправдывающего гипотезу о вынуждении повторения, и оно-то кажется нам первичнее, элементарнее и спонтаннее, чем отодвинутый в сторону принцип наслаждения. Но если в психической жизни имеется такое вынуждение повторения, то нам хотелось бы знать о нем подробнее. Мы хотели бы знать, какой функции оно соответствует, при каких условиях может проявляться и каково его отношение к принципу наслаждения, которому мы ведь до сих пор приписывали в психической жизни господство в процессах возбуждения.

IV

Теперь следует спекуляция (умозрение), часто далеко заходящая, которую каждый, в зависимости от своей собственной установки, может принять или отвергнуть. Из любопытства, куда это приведет, мы делаем дальнейшую попытку последовательной эксплуатации идеи.

Психоаналитическая спекуляция берет своей отправной точкой впечатление, полученное при исследовании бессознательных процессов, а именно тот факт, что сознание не является наиболее общей чертой психических процессов, а, может быть, представляет собой только их особую функцию. Пользуясь метапсихологической терминологией, психоанализ утверждает, что *сознание* есть работа особой системы, которую он называет СЗ. Так как *сознание* в основном дает *восприятие раздражений*, идущих от внешнего мира, а также ощущения удовольствия и неудовольствия, которые могут исходить лишь из глубины психического аппарата, системе В – СЗ может быть отведено пространственное положение. Она должна находиться на границе внешнего и внутреннего, быть обращенной к внешнему миру и облекать другие психические системы. Заметим при этом, что мы не высказали чего-либо совершенно нового, а лишь примкнули к локализирующей анатомии мозга, которая помещает *сознание* в мозговую кору – во внешний, облекающий слой цен-

трального органа. Анатомии мозга нечего задумываться над вопросом, почему – говоря анатомически – сознание помещено как раз на поверхности мозга, а не находится где-нибудь хорошо укрытым в самых его глубинах. Может быть, мы лучше будем ориентироваться в этой ситуации, разбирая нашу систему В – СЗ.

Сознание является не единственным свойством, которое мы приписываем процессам, происходящим в этой системе. Опираясь на впечатления нашего психоаналитического опыта, мы предполагаем, что все процессы раздражения в других системах оставляют в них длительные следы как основу памяти, иными словами – остатки воспоминаний, не имеющих ничего общего с осознанием. Сильнее и прочнее всего они сказываются часто тогда, когда вызвавший их процесс никогда не доходил до сознания. Но нам трудно поверить, чтобы такие длительные следы раздражения могли возникать и в системе В – СЗ. Если бы они всегда оставались сознательными, то очень скоро ограничились бы пригодность системы к восприятию новых раздражений¹⁰; в другом случае, если бы они были бессознательны, то поставили бы перед нами задачу объяснить существование бессознательных процессов в системе, функционирование которой обычно сопровождается феноменом сознания. Нашей гипотезой, которая делает осознание принадлежностью особой системы, мы, так ска-

¹⁰ Всецело на основании дискуссии Брейера в теоретическом разделе труда «Studien über Hysterie», 1895.

зать, ничего бы не изменили и ничего не выиграли. Хотя такое соображение и не вполне надежно, оно все же заставляет нас подозревать, что осознание и оставление следа в памяти являются процессами, несовместимыми в одной и той же системе. Мы могли бы тогда сказать, что в системе СЗ процесс раздражения делается сознательным, но не оставляет длительного следа; все его следы, на которые опирается воспоминание, получаются при продвижении раздражения в следующие внутренние системы. В этом смысле набросана и та схема, которую я прибавил к спекулятивному разделу моего «Толкования сновидений» в 1900 году. Если принять во внимание, как мало мы знаем о возникновении сознания из других источников, то тезис, что *сознание возникает на месте следа воспоминания*, имеет хоть то значение, что представляет собой нечто сколько-нибудь определенное.

Система СЗ имела бы, таким образом, ту особенность, что процесс раздражения, в отличие от всех других психических систем, не оставляет в ней длительного изменения ее элементов, а как бы растворяется в феномене осознания. Такое отклонение от общего правила объясняется одним фактором, который имеет значение исключительно для этой одной системы. Этим фактором, отсутствующим у других систем, легко могло бы быть экспонированное положение системы СЗ, ее непосредственное столкновение с внешним миром.

Представим себе живой организм в его наиболее упро-

щенном виде, как недифференцированный пузырек субстанции, способной к раздражению; тогда его поверхность, обращенная к внешнему миру, сама дифференцирована своим положением и является органом, воспринимающим раздражение; действительно, эмбриология, как повторение истории развития, показывает, что центральная нервная система происходит от эктодермы и серая мозговая кора есть все еще потомок примитивной поверхности и, возможно, что путем наследования переняла некоторые ее существенные качества. Тогда легко можно было бы представить себе, что в результате непрерывного натиска внешних раздражений на поверхность пузырька субстанция этого пузырька вплоть до определенной глубины подвергается постоянному изменению, вследствие чего процесс раздражения в ней протекает иначе, чем в более глубоких слоях. Так образовалась кора, которая, в конце концов, настолько прожжена действием раздражений, что представляет наиболее благоприятные условия для восприятия раздражений и на дальнейшее видоизменение не способна. При переносе на систему СЗ это означало бы, что элементы системы при прохождении раздражения не способны более к длительному изменению, так как в этом смысле они уже видоизменены до предела. Но теперь они в состоянии дать начало возникновению сознания. Можно составлять себе различные представления о природе этого видоизменения субстанции и процесса раздражений в ней, но эти предположения в настоящее время не подда-

ются проверке путем исследования. Можно предположить, что, переходя от одного элемента к другому, раздражение должно преодолевать сопротивление и что это уменьшение сопротивления именно и оставляет длительный след раздражения (прокладка пути); таким образом, в системе СЗ такого сопротивления при переходе от одного элемента к другому больше бы не существовало. Это представление можно сблизить с мыслями Брейера; он делает различие между латентной (связанной) и свободно подвижной энергией заряда в элементах психической системы¹¹

¹¹ «Studien über Hysterie» von J. Breuer und S. Freud, 4 unveränderte Auflage, 1922 (Ges. Werke. Bd. I).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.